

щает задачу, но совершенно искажает весь строй гораціанской оды. Отбрасывая строфику, Фет вытягивает каждую оду в одну непрерывную линию, скрашенную рифмой («этой стрелой вдохновения»). Один из самых музыкальных наших поэтов, поэтов выдающихся — Фет — не слышит музыки Горация! Погоня за рифмой превращается у него в чистое бедствие, приходится вставлять лишние слова и даже предложения, строгие и стройные оды «разводняются» и «разжижаются».

Рассмотрим, например, перевод знаменитой оды III, 30 («Памятник»). У Горация Асклениадова строфа I, у Фета — сплошной текст.

- I Я воздвигнул памятник, вечнее меди
и выше царственного гниения пирамид,
который ни едкий дождь, ни необузданный Аквилон
не смогут разрушить, ни бесчисленный ряд лет.
- II Ни бег времени. Я не весь умру, большая часть меня
избежит Либитины, всегда буду я
цвести будущей славой, пока на Капитолий
будет восходить понтифик с молчаливой девой.

И дальше говорится, что поэта будут прославлять там, где бурлит Ауфид, где бедный водой Давн правил сельским народом, а он, низкий родом, стал могущественным (благодаря поэзии).

- IV Я первый эолийскую песню «перепрял»
на италийский лад. Гордись же
снисканными заслугами и охотно
увей мне волосы, Мельпомена, дельфийским лавром.

У Фета рифмованное, без строф, текущее, как ручей, во многом по-своему переложенное стихотворение.

Воздвиг я памятник вечнее меди прочной
И зданий царственных превыше пирамид.
Его ни едкий дождь, ни Аквилон полночный,
Ни ряд бесчисленных годов не истребит.

И дальше: имя богини похорон Либитаны опущено, вместо этого многословно: «и жизни лучшей долей избегну похорон». Вставлено: «славный мой венец все будет зеленеть». Сочинено дополнительно: «где среди безводных стран с престола Давн судил» (у Горация «правил сельским народом»). У Горация Мельпомена сама должна сплести венок дельфийский и увенчать голову поэта. У Фета: «и лавром увенчай руно моих кудрей». (Кстати, Гораций был лысым.)

Весьма свободно распоряжается знаменитым текстом русский переводчик: «меди прочной» (Гораций знает, что медь всегда прочна и не дает определения). Фету «прочной» нужно для рифмы «полночной». Но Аквилон, северный ветер и полночь здесь ни при чем. О пирамидах в оде говорится, что они «гниют», у Фета — «царственные пирамиды». Нет в тексте «трудолюбивого народа», «трудолюбивый» нужно для рифмы с «говорливой» (у Горация не говорливая, а шумящая река Апулии Ауфид). Что же касается «руна моих кудрей», то это банальное и пошлое определение, абсолютно чуждое чеканной латыни, а «кудрей» нужно для рифмы «своей». Фет претендует на буквальность перевода. Но от буквальности этот перевод далек.

Гораций был сложным и мудрым «vates», причастным к философии, без понимания «гораціанской мудрости» нельзя представить себе его поэзии. Фету же эта сторона творчества поэта чужда. Вот перед нами знаменитое приглашение Меценату, сложенное любимой автором Алкеевой строфой («какой-то» — Фет). В нем изложено философское credo автора.

- (III, 29) Потомок тирренских царей, тебе
Приготовлено легкое вино, впервые раскупоренное,